

Современные
рассказы
о любви

МУЖЧИНЫ О СЧАСТЬЕ

Современные рассказы

Олег РОЙ,
Андрей ГЕЛАСИМОВ,
Александр МЕЛИХОВ,
Максим КУРОЧКИН,
Александр СНЕГИРЁВ,
Евгений ПОПОВ,
Роман СЕНЧИН
и другие

Москва
2016

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М89

Художественное оформление серии *А. Дурасова*

В оформлении переплета использовано
стихотворение *Р. Белецкого*
«Счастье, оно как дикий зверь...»

Иллюстрация на переплете *В. Тимофеевой*

Мужчины о счастье: современные рассказы / Олег Рой,
М89 Андрей Геласимов, Александр Мелихов, Максим Курочкин
и др. — Москва: Издательство «Э», 2016. — 320 с. — (Совре-
менные рассказы о любви).

ISBN 978-5-699-86544-4

Про женское счастье мы, кажется, давно всё знаем. А что такое счастье по версии мужчин? Быть любимым? Стать известным? Иметь дом — полную чашу? Реализоваться в профессии? Или это возможность менять женщин как перчатки, места проживания и отдыха как галстуки — и наслаждаться, наслаждаться, наслаждаться жизнью. Которая у каждого одна, только одна... Да и есть ли оно, это счастье? Когда приходит? К кому? За что?

Современные писатели, авторы сборника рассказов, отвечают на эти вопросы по-разному. Но все без исключения — ярко, образно и незабываемо!

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Курочкин М., Мелихов А., Сенчин Р,
Новиков Е., Нагим Ф., Попов Е., Веркин Э.,
Гуреев М., Емец Д., Лаврентьев М.,
Абузяров И., Селин В., Снегирёв А.,
Белецкий Р., Сотников В., Геласимов А.,
Резепкин О., Филимонов А., 2016

ISBN 978-5-699-86544-4

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Максим КУРОЧКИН

Хомячок на переподготовке

Друг назвал меня хомячком. Действительно: собираю крошки, моргаю, сплю, нет поступков и подруги. Есть кредиты, жена, хороший Интернет. Но я не хомяк, я просто жду сигнала. Полного, окончательного сигнала. Как и все резервисты, раз в год прохожу переподготовку.

В первый день мы как дети. Карабкаемся друг на друга, визжим, говорим столько, что забываем выпить. Командование не назначает на этот день серьёзных занятий. Немного строевой подготовки и секс.

Утро начинается с самого скучного. Все всё забыли. Майор в штатском вызывает к доске высокую девушку. За год юбка стала короче, морщины от улыбки глубже, смех громче. Её кодовое имя: «Девушка, которая любит Гурзуф потому, что в Гурзуфе все танцуют». Но как её зовут по-настоящему, я тоже знаю. Пьющие девушки плохо хранят тайны.

Пока девушка вспоминает определения счастья, я разглядываю майора Льва Борисовича Штофенмахера. В моём понимании он умница и настоящий православный святой.

Девушке шёпотом подсказали, что счастье — это диалог. Такое объяснение майора, с оговорками, устроило. Осталось привести пример: случай из жизни.

С примером у любительницы Гурзуфа беда. И конечно, не потому, что ей не хватает жизненных обстоятельств. Диалог — она просто забыла, что означает это слово. Знакомое, знакомое до боли, собака. Но в голове пустота и текила. Девушка рассказывает наобум о своём первом африканце:

— ...А потом не могу уснуть. Тихонько встала, вышла на балкон: солнце, все как будто, ну, не знаю... Стою голая. Такое солнце... как кошка. Можно до него дотронуться. Я поняла, что счастлива.

Когда Лев Борисович в хорошем настроении, он произносит слова медленно, с удовольствием оформляя их паузами.

— Деточка, вы не в армии. Глубоких знаний от вас никто не требует. Но резервист должен разбираться в счастье хотя бы на уровне троечника.

— Я что, плохо рассказала?

— Была поставлена задача привести пример идеального собеседника. А получился рассказ о том, как вас качественно отлюбили.

Мы ржём. Девушке нечего сказать, её немного мутит, ей тоже смешно. Возвращается на своё место. В сумочке у неё бутылка с коктейлем, она делится со мной. За каждым глотком мы ныряем под парту. Конечно, майор всё видит.

— Я всё вижу, Хомяков.

Это не моя настоящая фамилия. Просто я решил сделать хомяка своим проводником и защитником.

— Не смотрит, давай быстрее.

Опасность делает каждый глоток вкуснее. Особенно когда опасности нет.

— Пановэ резервисты, прекращайте бухать. Через три дня экзамены.

Действительно, через три дня экзамены. Переподготовка занимает пять дней. Когда-то была неделя. Но длительные исчезновения очень демаскируют. Особенно женатых и офисных. За пять дней мы должны вспомнить, что счастье есть, и подготовиться прожить без него следующий год. Раньше ещё активно занимались мобилизационными планами. Выясняли, кто что будет делать, когда поступит сигнал. Но перспектива большой войны в последнее время стала отдаляться. Судя по нашей программе, командование к ней не готовится вовсе.

После вводного занятия нас везут в музей. Экскурсии дело добровольное. Но едут все. Счастье как-то связано с созерцанием. Впрочем, в этом ещё предстоит разобраться. Не обошлось без приключений: любительница Гурзуфа споткнулась о зрителя и ударилась головой в мраморный пол. Зритель оказалась из наших. Не обиделась, заплакала от жалости. Мы долго её успокаивали. А девушка, которая любит Гурзуф, не пострадала. Маленький синяк добавил ей обаяния.

Вечером майор загоняет нас в просмотровый зал. Это обязательная программа.

— Господа резервисты, через это надо пройти.

Действительно, надо. Ничто так не обостряет ощущение «их» и «нас», как просмотр телевизора. Несчастливые

видны в нём лучше, чем в жизни. Боже, как *они* говорят! Как *они* выглядят! Пластика, подбор слов, интонаций: всё выдает *их* с головой. Как же неустойчиво *их* положение, как смешны *их* дома, *их* мысли и песни. Как не смешны *их* шутки. Как довольны *они* собой! Если что-то вообще может *нас* обидеть, это телевизор. *Мы* хохочем, плачем, говорим взволнованно. Какие серьёзные *у них* лица. Боже, как мы *над ними* смеёмся! Если бы *они* знали!

Просты были *их* игры, мало было *у них* игрушек, мало было *у них* книг, мало было *у них* родителей.

Штофенмахер выключил телевизор.

— Ужинать.

После ужина наступила реакция. Мы слишком много смеялись. И сейчас притихли. Вспоминаем наши семьи, наши маленькие уютные берлоги, наши бестолковые способы быть на плаву.

Конечно, быть счастливым — это жопа. Воспоминания не дают жить просто, без рефлексии и запретов на профессии. Мы не готовы к труду в туризме и медицине. Везде, где обманывают и помогают за деньги, мы бесполезны. Наши жёны страдают, жёнам хочется, чтобы на нас можно было положиться. Какое там положиться! Мы ходячие бомбы, хуже того: мы дружелюбны. Это ужасно! Врагов мы приобретаем огромным трудом. Понятие «моё» размыто. Когда в песочнице *у нас* хотели отобрать лопатку, мы отдавали её без сопротивления: нам было интересно, что построят с её помощью. Как правило, ничего стоящего *они* не строили.

Вечер закончился грустно. Этой ночью почти никто не бежит в казарму к девочкам. Ну, скажем точнее, бегают не все.

На следующий день занятия интересные, но очень неприятные. Маскировка. Мимикрия. Учимся имитировать несчастье. Тренируемся ходить без улыбки, не смотреть в глаза, при ходьбе не подпрыгивать, не застывать в странных позах, не петь дурными голосами, не брать в дорогу бинокль. Учимся не чувствовать вины. Учимся пить от горя, а не от радости, учимся не смотреть на девушек, не говорить с девушками, не улыбаться им внешне.

Учим ругательства, способы их применения, тренируем базовый набор реакций несчастливых. Кое у кого получается неплохо. Мне даются короткие матерные восклицания, у женщин особенно хорошо со всеобесмысливающими умозаключениями.

А вот фраза «Кто тебе звонил?» покоряется не всем. Что странно, ведь на уровень «Будете за нами!» вышло подавляющее большинство группы. Взявшись за руки, скандируем: «Люди не братья!»

Ещё мы учимся любить песни и фильмы нищих, оставаться недовольными обслуживанием, страдать в пробках, читать чужие письма, учимся не понимать и не хотеть. Девушки учатся давать сложно.

Без этого в мире несчастливых не выжить.

По правилам этого дня мы не должны смеяться до отбоя. Но мы, конечно, смеёмся. Даже майор не выдержал, когда я произносил речь о жизненных задачах. Конечно, мы ничего не имеем против недвижимости и санаторного отдыха. Мы просто очень смешливые.

Вечером грандиозная пьянка! Купались в озере. Чуть не утонула стюардесса из Ужгорода. Но её спасли.

Весь следующий день мы просто разговариваем. Обсуждаем сны, жалуемся на стареющих родителей, расска-

зываем страшные и смешные истории. Это главный день в году.

Пятую переподготовку подряд не удаётся никого обидеть! Счастливые люди не обижаются. Хотя в высоком искусстве издевательства нам нет равных. Немножко парадокс! Пять лет назад каким-то чудом удалось довести до слёз театрального критика. Но она была из Питера, это не считается.

Синяк на лбу высокой девушки распространился вниз. Теперь она похожа на боевую курицу восьмидесятых. Это не моя странная метафора. Это сама высокая девушка придумала. Она танцует и кричит бессмысленную фразу:

— Боевые курицы восьмидесятых ещё себя покажут!

Потом мы танцуем с ней тоже очень странную румбу. И в остальном ведём себя как зайчики. Мне снится верный пёс, который бежит впереди и предупреждает об опасностях. А я скачу на лошади и куда-то проваливаюсь...

Хорошо, что пьющие девушки умеют хранить тайны.

Как мы ржали на экзаменах! Все отвечали на билеты и читали заготовленные речи. Если вам интересно, могу записать кое-что по памяти. Но только не сегодня. Я произнёс речь о золотом веке. Штофенмахер меня похвалил.

На финальном построении нам зачитывают приказ. Войны опять не будет. Оружие, чтобы уничтожить всех несчастливых, создано. Ведь все настоящие ученые с нами. Но такая победа не будет победой. Ведь счастье — это, простите за пошлость, любовь. А как можно уничтожать тех, кого любишь?

Короче, опять придётся жить хомячком.

Пусть учёные ещё годик подумают.

За воротами части сталкиваюсь нос к носу с женой. Тренировки третьего дня не прошли даром. Выдаю очень правдоподобно:

— Женя, твою мать, что ты тут делаешь?

И тут я замечаю, что жена смотрит на меня растерянно. Она явно не ожидала меня увидеть. У неё за спиной рюкзак и каска. Неужели она тоже?

Штофенмахер строит на плацу новеньких. Сомнений больше нет. Моя жена стоит в неровном строю счастливых людей. Есть над чем подумать.

Александр МЕЛИХОВ

Требуется САНИТАРКА

...**А** в положенное время явилась и осень, и Олег увидел с горы меж тёмными пятнами елей сияющие золотые коридоры и — щедрой рукой по золоту — удары красным, и хотелось со счастливыми слезами, смеясь и захлебываясь, благодарить кого-то.

Пруды были полны до краёв, словно блюдца с чаем, в них отражалась золотая-презолотая осень. Как и положено в искусстве, отражение, слегка размытое волнением, было ещё прекраснее оригинала. Ближайший клён — золотой, подрумяненный багряным — россыпью красных склеротических пятнышек на оранжевом напоминал апельсин, но хранилась в нём ещё и зелень. Предзакатное солнце просвечивало листья насквозь, и они сияли, как светофоры, — красным, жёлтым, зелёным...

И снова боль вошла под ложечку, что вся эта красота скоро снова исчезнет, а он всего-то второй раз вглядывается в неё по-настоящему.

Он шёл вдоль ручья, вытекающего из пруда через железную трубу, перед которой пузырьки заранее вытягивались, чтобы легче проскользнуть, и увидел, что навстречу ему идут трое. Начинало темнеть, и он лишь вблизи разглядел их как следует.

Один, необыкновенно исхудалый и потемневший, непрерывно подергивался и крутил головой, словно вычерчивал носом восьмёрку за восьмёркой. Другой шагал, с прометеевской гордостью вскинув к небу лицо, сведённое мефистофельской насмешкой над собственной надменностью. Шея его была свернута судорогой, и ему приходилось страдальчески косить, чтобы видеть дорогу. Он и весь был скрученный, как туго отжатая простыня, а неестественно длинные пальцы были заплетены друг с другом, будто в электрическом шнуре. У третьего в рассеянно разинutom рту лучами расходились как попало натыканные пугающе редкие зубы; правая нога у него заканчивалась ортопедическим копытом и подламывалась в колене внутрь, когда он на неё ступал, и тогда он весь подламывался в ту же сторону.

Невольно напрягшись, Олег разминулся с кошмарной троицей и не без облегчения увидел бредущих ему навстречу кротких старушек в светленьких платочках; на фоне всё ещё золотых берёзок старушки походили на какую-то рекламу для интуристов.

— Простите, этой дорогой можно пройти к станции? — как можно более вежливо спросил Олег.

Старушки, даже не глянув в его сторону, прошли мимо, тихие, как тени, и он почувствовал, как по его лицу нарзаном пробежали мурашки.

Показался покорно бредущий старик в длиннейшем чёрном пальто; лицо его было промыто известковой старческой белизной.

— Простите, я этой дорогой выйду к станции? — спросил Олег, стараясь говорить ещё более учтиво, и старик покорно закивал:

— Да, да, идите прямо, а потом через поле и...

Он закашлялся, но между приступами всё-таки пытался договорить, однако новый приступ снова его обрывал, и он, весь багровый, терпеливо дожидался, когда кашель уймётся.

— Я понял, — торопливо закивал Олег, — спасибо, не беспокойтесь.

И старик, продолжая надрывно бухать, покорно пошёл дальше навстречу поджидающей смерти.

Олега буквально скорчило от жалости. *Да как же нам не стыдно* жить на свете, где возможно такое?..

— Но я-то за что должен мучиться?! — вдруг с отчаянием ударил он ногой по подвернувшейся консервной банке. Сколько счастливых минут отравила ему проклятая жалость, а минут этих и самому ему отпущено не бог знает сколько!

Со злостью и состраданием теперь уже к себе он зашагал дальше, растрawляя себя тем, что его больше не радуется ни меркнувшее золото деревьев, ни уже померкшая вода нового пруда.

Он вышел к длинному кирпичному зданию с элегантно изогнутым фасадом. Здание было похоже на солидный проектный институт — до третьего этажа по фасаду размахнулось мозаичное панно: упрощённо мужественный профиль, с протеевской гордостью вскинутый к небу, в которое уносились стройная ракета.

Плакат у входа тоже сиял немеркнущим оптимизмом — белым по красному:

ПСИХОНЕВРОЛОГИЧЕСКОМУ ИНТЕРНАТУ
ТРЕБУЕТСЯ САНИТАРКА

Под САНИТАРКОЙ было мелко приписано плохонькими чёрными буквами: санитарки. То есть требовалась одна большая САНИТАРКА и много маленьких санитарок.

Так вот они откуда, эти встречаемые!..

Тут Олег оценил и зарешеченные окна, и просматривающуюся сквозь них больничную белизну, и двухметровые перила на балконах, где выветривались полосатые матрацы.

И вдруг с новой силой сжалось сердце: у нескольких окон виднелись припавшие к чистенькой белой решётке человеческие лица, а на одном из балконов, за перилами, надставленными шеренгой кроватных спинок, стояла неподвижная фигура, так ни разу и не шелохнувшаяся, пока он шёл вдоль здания.

Олег изо всех сил зажмурился и замотал головой, как будто ненароком хватил кипятку.

Но всё-таки — неужто ему всю жизнь так и терзаться от этой бессмысленной жалости?! Что за проклятие на нём такое!

Внезапно перед ним выросла фигура в полосатой пижаме и зимней шапке, целившаяся в него из детского пистолетика.

— Ба-бах! — крикнула фигура, и Олег нервно отпрянул.

Однако испуг его исцелил.

Когда он шёл обещанным полем, машинально прислушиваясь, не чавкает ли под ногами, уже совсем стемнело — только закат сверкал меж черными деревьями, словно раскалённые угли сквозь золу. Вдруг ему явственно послышался тяжкий стон. Он прислушался. Стон повторился. Стонали как раз в том направлении, куда он шёл. Подобравшись, он двинулся медленнее, стараясь производить